

НАНА РАЙ

СТИХЕЯ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р18

Ответственный редактор *Екатерина Тёрина*
Консультант *Юлия Селиванова*
Дизайн обложки *Янины Клыга*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация
© Media Guru / Shutterstock.com. Используется по лицензии
от Shutterstock.com.

Рай, Нана.

Р18 Стихия : роман / Нана Рай.— Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-206399-2

Триста лет назад в Вэйландском замке пытали и сжигали ведьм, но в наши дни это престижный университет. Мари Бэсфорд — потомственная ведьма, и волей случая ей предстоит учиться в Вэйланде. С первого дня ее пребывание омрачается смертью первокурсницы, а пристальное внимание к Мари звезды университета оборачивается травлей. Души ведьм вызывают о мщении, и Мари предстоит распутать тайны прошлого, а также разобраться в своих чувствах к молодому профессору, который знает о ней больше, чем она сама. Времени совсем мало — ведь тайное общество «Sang et flamme» вновь открыло охоту на ведьм...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206399-2

© Рай Н., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Часть I «ОБИТЕЛЬ СКОРБИ»

Глава I НАГАЯ ДУША

В обстановке вычурного кабинета ничто не намекает на то, что его хозяйка — убийца. Самая изошренная убийца двадцать первого века, на совести которой двадцать одна загубленная душа. Элизабет вела им счет. Каждая смерть — очередной флакон с ноготок на полке орехового книжного шкафа в углу комнаты. Несколько грамм праха — вот содержимое разноцветных пузырьков, но лишь избранные знают, для чего он нужен и кому принадлежит.

На рабочем столе зазвонил стационарный телефон, и Элизабет кончиком острого ногтя, который будто окунули в кровь, нажала на кнопку громкой связи. Кабинет наполнился звуком мужского голоса:

— Пленница доставлена. Прикажете исполнить казнь?

Элизабет чуть задержала дыхание и раздраженно прищелкнула языком. Ее перманентно яркие карминные губы искривились.

— Ждите! — Она отключила связь. — Я сама. Всегда сама, — в тишине сказала Элизабет и улыбнулась, но в раскосых глазах наметился болезненный блеск.

Она встала из-за стола и провела ладонями по своей худощавой фигуре с выпирающими тазобедренными косточками. Черное траурное платье с высоким воротником и длинными рукавами только на Элизабет сидело

так, словно она в нем родилась. Ее кожа смотрелась еще бледнее, а волосы — чернее. И все же невозможно было оторвать глаз от болезненной худобы женщины и ее бледности, отливающей синевой, а во взгляде Элизабет таилась страсть, которая сметала любые преграды. Но больше всего она гордилась кольцом — золотой печаткой на указательном пальце правой руки с выгравированным на ней язычком пламени.

Элизабет коснулась губами кольца и ухмыльнулась картине, висящей напротив. Молодая девушка сидела на троне с львиными головами, она была в полупрозрачной серой вуали, покрывающей ее тело на греческий манер. В одной руке жезл, в другой — чаша.

Элизабет подошла ближе и изучала картину так долго, словно ждала, что та оживет под ее взглядом.

— Моя дорогая Цирцея, — нараспев произнесла Элизабет, — каково тебе каждый раз наблюдать, как я убиваю твоих дочерей? — Она выждала пару секунд и вздохнула. — Очень жаль, что ты не можешь ответить...

Элизабет подошла к книжному шкафу, и каждый ее шаг сопровождался стуком каблуков. Потянула на себя красный фолиант. Послышался звук открывающегося засова, и через мгновение книжная стенка отъехала, открыв взгляду потайной лифт.

— Я сама, — вновь прошептала Элизабет и зашла в тесное пространство.

Лифт дернулся и медленно пополз вниз, погрузив ее в темноту. Лишь мерцающая наверху лампочка дребезжала, напоминая Элизабет, что она спускается вовсе не в ад.

Двери разъехались, и она оказалась в овальной зале, посреди которой высилась колба из жаропрочного стекла высотой в два человеческих роста.

Элизабет с блаженным вздохом опустилась в кресло с красной обивкой, почти кожей ощутив прикосновения

предыдущих владельцев. Любовно провела пальцем по рычажку управления на подлокотнике. А это устройство сделали специально для нее.

— Ведите! — приказала она, хотя кроме нее в комнате никого не было.

Невидимые слуги прятались за стенами, шуршали, словно крысы, перебегая по узким скрытым коридорам, которые пронизывали здание сверху донизу. Пол в колбе опустился, и через некоторое время поднялся обратно, неся на себе драгоценный груз. В стеклянную ловушку попала связанная девушка. Она была измождена, в ее застывших глазах больше не плескалась жизнь; пленница могла лишь стоять на коленях. На безобразно худом лице глаза цвета неба казались огромными. Вместо одежды серый саван, подпоясанный потертой веревкой — дань уважения традициям священной инквизиции.

Элизабет в возбуждении сжала рычажок и чуть подавалась вперед, впитывая обреченность и страх пленницы.

— Сознаешься ли ты, дочь Цирцеи, в колдовстве и сговоре с Дьяволом? — на одном дыхании спросила Элизабет.

Девушка лишь кивнула, и ее слабого покачивания головой было достаточно, чтобы надавить на рычажок. Сверху разгорелся огонь, а затем ржавые струи пламени окутали пленницу, и ее визг разнесся по овальной зале, достигнув ушей Элизабет сладким пением.

*В саване сизом — нагая душа,
«Sang et flamme» несет просвещение.
Демон рыдает, еле дыша,
Для души обретая прощение.*

Эта жертва была двадцать второй.

Глава 2 ПЛЕННИКИ ЗЛА

*«Испейте из чаши багрового яда,
Позволим один раз вздохнуть.
Сгиньте, ведуньи, так вам и надо.
В огонь уготован вам путь!»*

Мари еще раз перечитала жуткое четверостишие, выведенное золотыми буквами на застекленной табличке. Затем подняла взгляд на памятник инквизиции, стоящий посреди двора перед зданием главного колледжа Вэйландского университета — старинным замком, увитым плющом. На деревянном помосте стоял грубо обтесанный столб, а к нему обугленным канатом было привязано чучело, набитое сеном, в грязном холщовом саване. В довершение картины на горизонте темнело небо, тучи наполнялись водой, готовясь обрушить мощь ливня на маленький студенческий городок.

— Мне это снится, — пробормотала Мари и невольно пошатнулась.

Ноги ослабли, и она села на тяжелый чемодан, который тащила за собой по брусчатке от самого вокзала.

Начало сентября в Вэйланде — настоящая осень. Ветер просачивался под одежду и холодными пальцами ласкал горячую кожу. Листья на деревьях еще держались на ветвях, но уже потеряли сочный зеленый оттенок, скручивались и блекли. Через неделю-другую они лягут на землю красно-желтым покрывалом.

Любимое время года Мари больше ее не радовало.

Не радовала возможность вырваться из-под надзора отца, который и отцом-то был всего последние полгода. Не радовала свобода от нудных единокровных братьев и их постоянного соревнования «Кто больший брюзга». Не радовало даже то, что она почти год не будет видеть

брезгливую гримасу мачехи. Все приятные мелочи, которыми обещала наполниться жизнь Мари, теперь тускнели перед интуитивным ужасом.

В ушах звучали слова отца, сказанные незадолго до ее поступления в университет:

— Тебе уже восемнадцать, Мария. Поэтому я не могу заставить тебя учиться в Вэйланде, ты вольна выбрать любой другой университет. Но я и без того был чертовски плохим отцом, так что... Я оплачу твоё обучение, если захочешь туда поступить. Поверь, после Вэйланда перед тобой откроются все двери мира. Это меньшее, что я могу для тебя сделать...

Теперь его навязчивая забота не казалась наигранной. Потайное дно вскрылось, и гниль вырвалась наружу. За сладкими речами отца, который бросил Мари, когда ей исполнился всего год, крылась истина:

— Ты похожа на свою мать, и я даже не могу взглянуть тебе в глаза без содрогания. Она называла себя ведьмой, умоляла принять её такой, какая она есть. Но я не смог. Не смог полюбить и тебя — родную дочь. И все же я хочу попытаться помочь тебе стать нормальной. В Вэйланде ненавидят таких, как ты... Это поможет тебе научиться не выделяться, быть как все. Ради твоего же блага, поверь.

— Медвежья услуга, — пробормотала Мари.

Подумаешь, инсценировка сожжения ведьмы. Никто не узнает, кто она, а даже если и узнает, то в двадцать первом веке не так-то просто сжечь человека безнаказанно.

— Впечатляет, не правда ли? — раздался позади грудной голос, и Мари обернулась. — Тебе стоит привыкнуть. Вэйланд кишит подобными памятниками. Я — Джорджи!

Длинная и тощая как жердь девушка подмигнула и протянула Мари листовку. На вытянутом лице губы казались слишком большими, зато модная причёска

отвлекала от непропорциональной фигуры. Черные волосы с красными прядями она перекинула на левую сторону, оголив выбритый иероглифами висок.

— Мари. — Она встала и с нервной улыбкой рассмотрела листовку — старуха на метле летела на фоне луны и надпись: «Добро пожаловать в Вэйланд!» — Мило...

— Ты первокурсница, верно? — Джорджи согнула правую ногу в колене. Узкие джинсы каким-то чудом держались на ее мальчишеских бедрах. — Не видела тебя раньше.

— Верно. Заселяюсь.

— А жить будешь в главном колледже? Тебе ведь уже прислали распределение?

— Да, у меня двести четвертая комната. — Мари снова глянула на кубический замок. Подумать только, она будет жить в самом настоящем замке! — Это здесь снимали Гарри Поттера?

Джорджи закатывает глаза:

— Точно первокурсница. Попав сюда, все задают этот вопрос. Нет, не снимали. Но хотели. Короче, — она указала острым ноготком на листовку, — раз ты живешь в главном колледже, то жду тебя сегодня на этом же месте в полночь.

От неожиданности Мари приоткрыла рот:

— В полночь? Здесь? Шутишь?!

— О, да! В позапрошлом году я тоже на твоём месте ошалела. — Джорджи хихикнула и хлопнула Мари по плечу. — Будет посвящение в студенты, поэтому присутствие обязательно. И да, тебе не о чем переживать, если ты не ведьма, — заверила она и расхохоталась.

«Если ты не ведьма...» От этой фразы Мари тихо вздохнула. Куда она попала?

Джорджи отвлеклась на идущего вдаль парня. У них были похожие причёски, а еще он был похож на

настоящую фотомодель. Джорджи ему помахала, но он лишь скользнул по ней равнодушным взглядом. Она поджала губы и тут же старательно улыбнулась, но боль в глазах скрыть не удалось.

— Мне надо бежать. Еще кипу листовок раздавать. Не забудь в полночь! — Джорджи сделала шаг, однако замерла и завистливым взглядом окинула волосы Мари. — Не могу не спросить: они у тебя наращенные или родители постарались?

Мари привычным жестом пропустила густые искрящиеся солнцем волосы между пальцами. Они, как всегда, были распущены и тяжелым полотном закрывали спину до самой талии. Стоило ей собрать их в хвост или косу, как она чувствовала себя голой.

— Мама, — прошептала Мари, из последних сил сдерживая тоску в голосе. И не только волосы... Вся она походила на маму.

— Круто, — кивнула Джорджи и почти бегом спустилась с пригорка к распахнутым воротам, за которыми заканчивалась территория замка и после гравийной парковки начинался городок. Кажется, именно в ту сторону шел парень с обложки журнала.

Мама...

Почти полгода прошло с тех пор, как она исчезла, а в груди до сих пор жгло. Вместо сердца — дыра. Вместо слез — песок в глазах. Время идет, а мамы все нет. И уже не будет...

Мари тряхнула головой, прогоняя мысли, от которых живот скручивало и колело в сердце. В последний раз посмотрела на помост с чучелом ведьмы и запихнула листовку в задний карман джинсов. Целых восемнадцать лет ей удавалось скрывать свое происхождение. Прожить четыре года среди ведьмоненавистников — что может быть проще?

Мари подхватила ручку чемодана и подошла к высоким арочным дверям. Центральный вход в главный колледж Вэйланда. Здесь ей предстояло жить и, судя по расписанию, здесь же вели такие модули, как история и искусство. А вот остальные предметы преподавали в филиале, который еще называли современным отражением замка. Да, Мари здесь понравится. Должно понравиться. В конце концов, это был единственный университет, который согласился оплатить отец. А без него ей светило бы будущее официантки в той же забегаловке, где мама работала поваром. Мама...

Мари снова глубоко вздохнула и толкнула тяжелые двери. Они на удивление легко распахнулись, наверняка оснащенные пневматикой.

Мари попала в фойе или холл. Как называются подобные комнаты в средневековых замках, она понятия не имела, но прямо перед ней открывался вид на широкую каменную лестницу, а прямоугольная комната, в которой Мари очутилась, больше напоминала музейный зал.

— О, Дьявол меня заberi!

— На стенах раньше они явно были каменными, но теперь прятались под бордовыми обоями, висели различные репродукции картин. Мари даже боялась посмотреть на них пристальнее, потому что иначе она простояла бы перед ними до глубокой ночи. Студенты, как пчелы, сновали по лестнице, заседали с книгами в укромных нишах. Из каждого уголка доносились то декламация стихов Блейка, то жаркие споры на философские темы из разряда: что первично — дух или тело?

Их голоса, сливающиеся в монотонный шум, давили на Мари, как бы намекая: ты лишняя. Перед глазами заискрились искры, и в гости пришла знакомая мигрень, как всегда не вовремя. А значит, скоро Мари явится «слово».

Мама называла ее способность видеть слова даром и требовала, чтобы Мари училась им пользоваться. Мария же считала это обузой, потому что слова, а иногда целые фразы, казались полной несуразицей, которые ничего, кроме головной боли и мушек перед глазами, ей не давали. Никакие обезболивающие и медитации не могли унять мигрень. В детстве Мари могла часами плакать в подушку от боли. Но со временем она нашла способ облегчить свой проклятый «дар» — скетчбук и карандаш. Зарисовывая слово, Мари чувствовала, как волна обезболивания охлаждала ее беспокойный разум.

Мари прошла в центр зала, пытаясь сообразить, в какой стороне находится ее комната, и сердце сделало кувырок. Затем пропустило удар и словно упало вниз живота, когда Мари заметила его.

По лестнице спускался парень. Его черные волосы вились, а из-за доброжелательной улыбки проступали ямочки на щеках. Поверх белой рубашки на плечах был завязан джемпер в синий ромб. Настоящий студент-англичанин. Он шел вальяжной походкой, а правая рука была небрежно засунута в карман брюк. Туфли были начищены до блеска.

Мари никогда раньше не реагировала на парней вот так — застыв как вкопанная, забыв про кислород и про то, что наверняка выглядит полной дурой. Но одна ее часть жаждала подойти к незнакомцу и прикоснуться хотя бы к его руке, а вторая — тянула обратно в Лондон. И ни одна не могла победить, они были равны. Мари разрывало пополам, но она могла лишь стоять на месте и беззвучно открывать и закрывать рот.

Незнакомец подошел ближе. Их взгляды пересеклись. У него были синие глаза. Как море, волнующее, игривое. И аромат его духов окутывал морским воздухом, наполненным солью и горячим песком. Запах донесся до нее, когда парень прошел мимо, ненароком коснувшись кончиком

мизинца тыльной стороны ее руки. Крошечное прикосновение обожгло, но когда Мари нашла в себе силы обернуться, незнакомец уже исчез. Его не было поблизости, и только рука продолжала гореть, а сердце выскакивало из груди.

Мари не считала себя влюбчивой. За восемнадцать лет она ни разу ни с кем не встречалась и считала себя здравомыслящим человеком. Поэтому не понимала, что сейчас произошло. И откуда взялись ужас и трепет, разрывающие душу?

На втором этаже Мари свернула налево и попала в коридор, выстланный протертым ковролином. По нему ходили бесчисленное количество ног. Девушки и сейчас перебегали из комнаты в комнату, перекрикивались, со смехом выгоняли парней, затесавшихся в женскую обитель, и выпроваживали их на этаж выше. От приятной суматохи Мари пришла в себя и позволила себе задерживаться возле картин, которые висели между дверьми.

Живопись Ван Еренберга, Гойи, Уотерхауса, Брейгеля... Даже гравюры Альбрехта Дюрера, показывающие двойственную природу ведьминской красоты: с одной стороны молодой и привлекательной женщины, а с другой отвратительной старухи, скачущей задом наперед на козле. И да, разумеется, все картины были с сюжетом о ведьмах, но Мари, похоже, начинала привыкать к этому местному помешательству.

Она нашла свой номер и с облегчением приложила магнитный ключ к замку, который был выслан ей вместе с пакетом документов. Ее встретила безликая комната, в которой ей предстояло жить ближайший год. Взгляду даже было не за что зацепиться. Единственное яркое пятно — это настольная лампа с абажуром цвета апельсина на столе ее соседки.

Явно принесенная извне. А так две половины комнаты отражали друг друга с занудной точностью. Односпальная кровать, застеленная синим покрывалом, стол, стул...

Мари открыла дверцы шкафа с левой стороны, резонно предположив, что раз правая кровать уже завалена учебниками, значит, она занята.

— Приветтики! Ты уже здесь? Прости, я задержалась. — В комнату зашла девушка ростом на голову ниже Мари. Такая миниатюрная куколка, точно балерина из музыкальной шкатулки.

Ее глаза прятались за прямоугольными очками, на губах дерзко алела помада. В сочетании с классическим брючным костюмом и рыжей шевелюрой ее образ напоминал стриптизершу в костюме строгой учительницы. Такую девушку точно не пропустишь в толпе.

— Вообще, я должна была встретить тебя внизу, но в библиотеке такая очередь, что я не успела. Так что, надеюсь, ты никому не скажешь, что я с первого дня профукала обязанности куратора. — Она искренне улыбнулась и протянула руку. — Айви.

— Мари, — она с опаской пожала тонкие, будто детские пальцы. — Ты мой куратор? — Мари поморщилась от легкой головной боли, которая начинала стучать острыми молоточками по вискам.

— Да. Разве тебе не присылали письмо? К каждому первокурснику приставляют второкурсника на первый год, чтобы тот ввел его в курс дела, — Айви скинула лакированные туфли на высоком каблуке и еще сильнее уменьшилась в росте, но ее это не особо беспокоило. — Кстати, тебе повезло больше, чем мне. В прошлом году моя кураторша приревновала меня к парню, хотя на тот момент он еще встречался с Джорджи, а не со мной. — Она рассмеялась. — Надеюсь, ты не станешь отбивать у меня женихов. — Айви подмигнула.